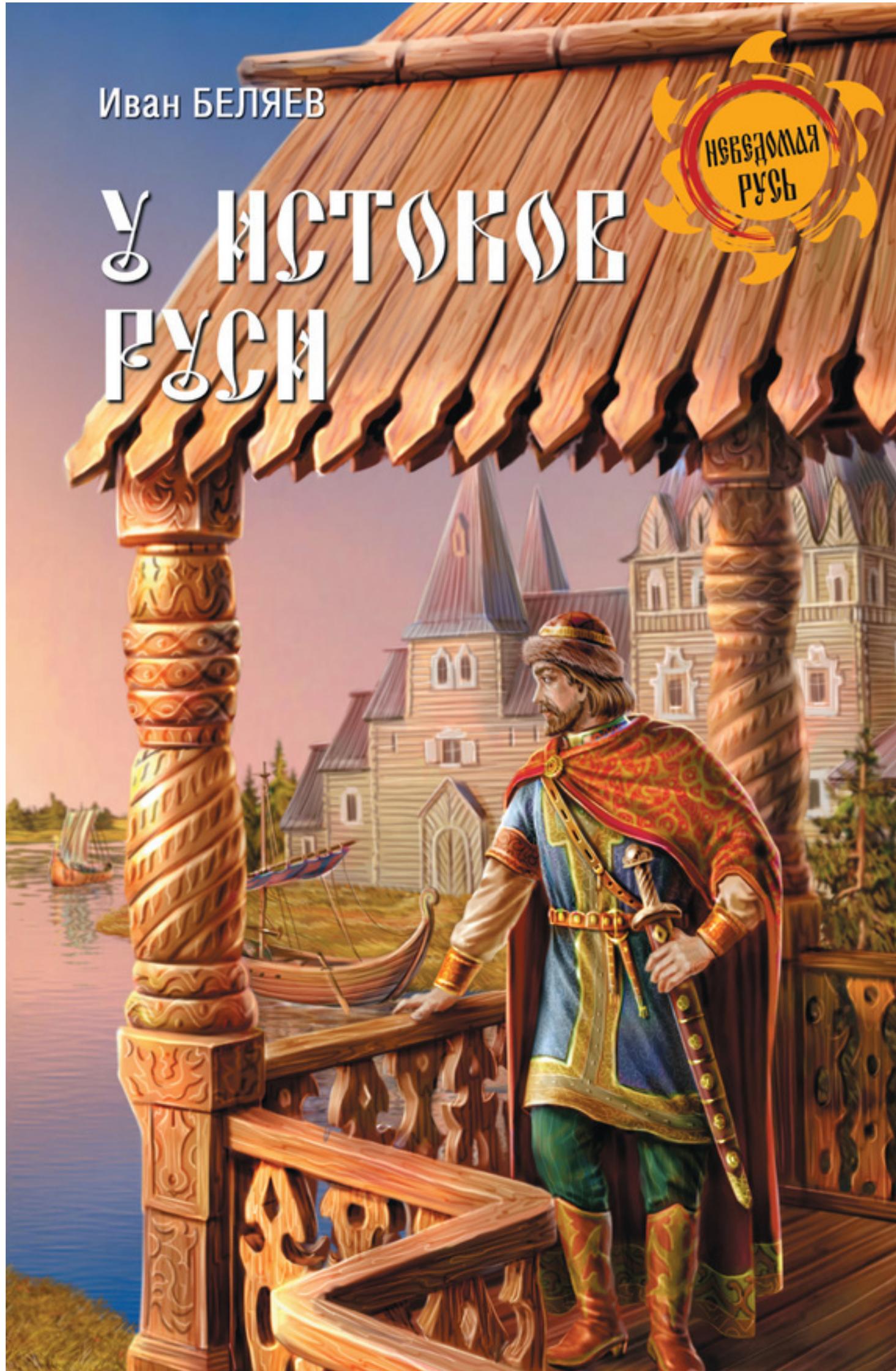

Иван БЕЛЯЕВ

У ИСТОКОВЕ РУСИ

НЕЗНАЮЩАЯ
РУСЬ

Неведомая Русь

Иван Беляев
У истоков Руси

«ВЕЧЕ»

1861

Беляев И. Д.

У истоков Руси / И. Д. Беляев — «ВЕЧЕ», 1861 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8641-2

Книга историка Ивана Беляева (1810–1873), профессора Императорского Московского университета, представляет собой фундаментальный обзор первых веков русской истории. Благодаря многолетней работе в сенатских архивах и Московском Государственном архиве, Беляеву удалось собрать и систематизировать гигантский корпус средневековых документов, летописей и актов, которые легли в основу его трудов. Параллельно с этим Беляев собирал исторические документы и древние акты в собственную библиотеку, насчитывавшую более 2 тысяч томов. Позже его собранием пользовались знаменитые историки В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов. Труды Ивана Беляева были значительной научной вехой для своего времени и не потеряли актуальности до сегодняшнего дня. Настоящее издание было опубликовано в 1861 г. под названием «Рассказы из русской истории».

ISBN 978-5-4444-8641-2

© Беляев И. Д., 1861

© ВЕЧЕ, 1861

Содержание

Рассказ первый[1]. Русская земля	6
Рассказ второй. Первые князья из племени варягов-руси	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Иван Беляев

У истоков Руси

© ООО «Издательство «Вече», 2016

Рассказ первый¹. Русская земля

Страна, в настоящее время называемая Россиею, издревле, как только запомнят люди, была большою дорогою для народов, шедших из Азии в Европу. Здесь перебивали и скифы, и сарматы, и готы, и гунны, и другие народы, но не останавливались надолго, почти не оставили после себя никаких следов в пройденном ими краю и не имели никакого заметного влияния на судьбу русского народа. Позднее сих народов потянулись в здешний край разные племена славянские, жившие в Македонии, Фракии и Иллирии. Движение славянских племен в здешний край, на север и северо-восток от Дуная, их древней родины, началось с того времени, как римляне, называвшиеся у древних славян волохами, стали выдвигать свои владения к Дунаю и теснить тамошних славян, поселяя между ними свои военные колонии и строя города. Но славяне поднялись с Дуная не все зараз, а частями и в разное время, по мере того как насилия римлян становились им невыносимы; и в продолжение нескольких веков они заняли своими поселениями берега Днестра, Восточного и Западного Буга, Днепра, Припяти, Десны, Сейма, Оки, Западной Двины, Приильменский край и верхнее течение Волги до впадения в нее Оки.

В IX столетии по Р. Х. (т. е. за тысячу лет до настоящего времени) славянские племена, выдвинувшиеся с Дуная на Русскую землю, были расселены следующим порядком: в ближайшем соседстве к Дунаю на самом юго-западном краю Русской земли по Днестру до Черного моря и Дуная жили славянские племена, называвшиеся уличами и тиверцами; несколько севернее их, в верховьях Восточного и Западного Буга, жили дулебы и бужане, вообще называвшееся волынянами; на северо-восток от волынян в углу, образуемом реками Горынью и Припятью, по тамошним лесам и болотам были поселения древлян; рядом с древлянами и волынянами по западному берегу Днепра жили поляне; а перешедши Днепр прямо против полян жили северяне, которых поселения простирались по рекам Суле, Десне и Сему; в этой же стороне, несколько севернее по реке Соже, жили радимичи; а к востоку от радимичей по рекам Угре и Оке, в тамошних диких непроходимых лесах, были поселения вятичей, которые простирались далеко на восток, может быть, до верховий Дона. На север от Припяти по правому берегу Днепра до Западной Двины жили дреговичи; а подле них по берегам Полоти, впадающей в Западную Двину, были поселения полочан; за полочанами на восток при верховьях Днепра, Западной Двины и Волги жили кривичи; а за ними севернее всех славянских племен, около озера Ильмень и по Волхову, поселились славяне ильменские, или новгородцы, которые впоследствии своими поселениями далеко распространились на север и восток.

Рядом с славянскими племенами на северо-западе по Неману и Западной Двине, в тамошних пущах, болотах и непроходимых лесах, вплоть до Балтийского моря жили племена латышские и литовские, перемешанные с финскими, таковы были: жмудь, литва, корсь, зимгола, летгола, ливь и другие; это были старожильцы тамошнего края, жившие там еще до пришествия славян в Русскую землю. На севере и северо-востоке жили племена финские: чудь, водь, корела, ямь, меря, пермь, весь, мурома, и на востоке черемись, мордова, и мещера, и богатые и сильные камские болгары, жившие при впадении Камы в Волгу, и на юго-востоке буртасы, и сильные в то время хазары, которых владения простирались от низовий Волги до Дона и Донца.

Славянские племена, выдвигавшиеся с Дуная на север, должны были занимать земли, уже прежде их занятые другими племенами неславянскими, а посему должны были пробиваться сквозь них, отнимать у них землю. Конечно, племена, занимавшие Русскую землю до славян, были не очень сильны и сидели разрозненно и неплотно на занятой ими земле, и простора

---

¹ В книге по возможности сохранены орфография, пунктуация, написание строчных и прописных букв, а также научная терминология и этнонимы первого издания 1861 г.

было еще много для новых пришельцев; но тем не менее славяне как позднейшие пришельцы, и притом переселявшиеся не дружно, не все зараз, а незначительными партиями и в различное время, естественно, по разрозненности своей не могли делать завоеваний, и волей-неволей должны были довольствоваться лишь мирным заселением страны с согласия старожильцев, и только в продолжительные сроки, по мере собственного усиления и мирного ознакомления с старожильцами туземцами, распространять на них свое влияние и впоследствии подчинять их себе и ославянивать. Таковое положение пришельцев-славян и первоначальные их отношения к иноплеменникам-туземцам, конечно неласково смотревшим на новых людей, заселявших их землю, естественно, заставляло их жить в постоянной тревоге и с большою осторожностью. Славяне, по своему шаткому ненадежному положению на чужой земле, могли селиться не иначе как укрепленными городами, составляя союзы и общины, в которые дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь бы кто сам пожелал вступить в общину и защищать ее вместе с другими членами общины; таким только образом, при таких условиях общинной жизни славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россией; их новостреление в незнакомом краю, их малочисленность сравнительно с старожилками туземцами невольно вынуждали их прибегать к городскому общинному устройству их жизни, которое одно дозволяло им спланиваться в значительные массы, в которых не спрашивалось, кто какого рода и племени, и обеспечивало их от нападений туземцев, которые, живучи разрозненно, не могли нападать с успехом на укрепленные города. И действительно, славяне-пришельцы большею частью так и устраивали свою жизнь в здешнем краю; они селились преимущественно городами и подле городов под их защитой и так много настроили городов в Русской земле, что соседи их на северо-западе, жители Скандинавии, нынешней Швеции и Норвегии, иначе не называли Россию того времени, как страной городов, на их языке Гардарикией.

Впрочем, славянские племена, пришедшие на Русь не в одно время, не с одинаковыми силами и поселившиеся на огромном пространстве от Черного моря до Балтийского и Белого и не при одинаковых условиях, не все жили одинаково. Иные из них, по обстоятельствам времени и места, скорее почувствовали необходимость в общинной и городской жизни, значительными массами; а другие, смотря по местности, еще долго оставались в родовом быте и жили врассыпную, каждый со своим родом. Так уличи и тиверцы, жившие по берегу Черного моря от Дуная до Днестра, скоро прибегли к общинной и городской жизни, древние отечественные и иноземные писатели уже в IX веке находят у них множество городов; боевая жизнь на взморье вблизи прежней своей родины, занятой врагами-пришельцами, скоро заставила уличей и тиверцев укрепляться в городах. В том же почти положении находились дулебы, вольняне. Но не такова была жизнь полян, поселившихся на правом берегу Днепра, в местности, кажется, никем не занятой, удаленной от иноплеменников; они, по свидетельству летописи, долго жили в родовом быте, врассыпную по тамошним горам и лесам, каждый с своим родом, и только уже в более позднее время, может быть в VII столетии по Р. Х., выстроили в своем краю первый город Киев на самом берегу Днепра. Но, кажется, одни только поляне пользовались таким положением, которое дозволяло им довольно долго оставаться в родовом быте, по крайней мере о них одних свидетельствуют летописи. Напротив того, ближайшие соседи полян – древляне, поселившиеся в болотах и лесах на запад от полян, в соседстве с литовскими племенами, при самом начале поселения, вероятно, принуждены были строить города, дабы держаться против воинственных и диких литовцев, живших по Припяти. По свидетельству летописи, древляне в IX столетии управлялись князьями, но вместе с князьями в управлении принимали сильное участие лучшие мужи, держащие землю, и народные веча или вся земля Древланская. Но полное и раннее развитие общинного быта представляют ильменские славяне, или новгородцы, и их колонисты – полочане, кривичи и северяне.

Ильменские славяне, или новгородцы, далее других славянских племен врезавшиеся в глубь финских поселений и окруженные ими со всех сторон, естественно, при самом поселе-

нии должны были начать дело с построения городов и с полного устройства общинного быта, который позволял им принимать в свое общество всех охотников, из какого бы племени они ни были. Только сим способом новгородцы могли отстоять свою самостоятельность и не затеряться между иноплеменниками-старожилами; и новгородцы так и поступили: они при самом поселении выстроили при истоке Волхова из озера Ильмень Новгород, от которого и получили свое название новгородцев, и прямо стали управляться вечаем и лучшими мужами. Из Новгорода они мало-помалу стали выводить колонии сперва в ближайшем к Новгороду соседстве, а потом время от времени распространять свои поселения далее и далее и строить новые города, известные у них под именем пригородов и вполне зависевшие от старого города. Замечательнейшими колониями новгородцев, по свидетельству летописи, были: во-первых, полочане, поселенные по Западной Двине и имевшие своим главным городом Полоцк, при впадении Полоты в Двину; во-вторых, кривичи, широко распространившие свои поселения при верховьях Западной Двины, Волги и Днепра и имевшие своим старшим городом Смоленск, построенный на берегу Днепра в верхнем его течении; и в-третьих, наконец, северяне, южнее всех удалившиеся от Новгорода и занявшие левый берег Днепра против полян. У них главными и старшими городами были Чернигов, Переславль и Новгород-Северский. Сии три старейшие новгородские колонии еще до IX века сделались отдельными от Новгорода и самостоятельными обществами, несколько не зависящими от своей метрополии, но с устройством и характером по преимуществу новгородским.

Славянские племена, поселившиеся в Русской земле, по свидетельству отечественных и иноземных летописей и сказаний, в IX столетии по Р. Х. были в следующем положении. *Уличи и тиверцы* пользовались независимостью, охраняемые своими многочисленными городами, и были в сношениях, иногда мирных, иногда враждебных, с византийскими колониями по берегам Черного моря; они составляли довольно сильное славянское поселение в этом краю и не имели среди себя иноплеменных старожиловцев. *Дулэбы, или вольняне, и бужане*, много страдавшие от аваров в VII столетии, в IX веке пользовались независимостью и, может быть, на юге были беспокоимы торками и другими степными кочевниками-грабителями и на северо-западе дикими ятвягами и литовцами. *Древляне*, жившие по лесам и болотам, на правом берегу Припяти, колонизировали земли литовские, доходившие на юге также до Припяти даже в XII столетии, а в древности, вероятно, простиравшиеся и за Припять на юг. Племя древлян в IX веке, по свидетельству летописей, было довольно сильным и грозным для своих соседей, как славян, так и неславян, и особенно теснило полян, вероятно прокладывая себе дорогу к Днепру, этой большой торговой дороге, доставлявшей много выгод своим прибрежным жителям. *Поляне*, примыкавшие своими поселениями прямо к Днепру, по свидетельству летописца, известные кротостью своих нравов, в IX веке имели уже богатый город Киев и пользовались выгодами днепровской торговли; но выгоды торговли не дали им силы, их княжеский род к этому времени вымер, и они были обидимы от соседей; с одной стороны их теснили древляне, а с другой, с юга, им приходилось защищаться от кочевых грабителей торков, и наконец они вместе со своими заднепровскими соседями-северянами и вятичами были покорены сильным придонским народом хазарами и обложены данью. *Северяне*, подвергавшиеся игу хазарскому вместе с полянами, были с ними в одинаковом положении и до хазарского ига; примыкая одним боком своих владений к Днепру, они участвовали вместе с полянами в приднепровской торговле, их лоды с товарами ходили в Константинополь, по свидетельству тамошнего императора Константина Порфирородного. Но кроме Днепра им был открыт и другой путь торговли на восток; они Окою и потом Волгою ходили в Камскую Болгарию, а Донцом и Доном в Хазарию, как рассказывают арабские писатели. Северяне, будучи колонистами Новгорода, удержали за собою в основных началах и новгородское устройство: они подобно Новгороду управлялись вечаем и не имели князей. Соседи северян, *радимичи* и *вятичи*, высленцы из Польши, — жители непроходимых лесов по Соже и Оке, не были известны по торговле и долго считались

между соседями за дикарей; им пришлось жить между разными мелкими финскими племенами, которых они не умели подчинить себе. По свидетельству Нестора, их привели из Польши два родоначальника, или князя, Радим и Вятко, и потомки сих родоначальников под именем князей владели ими еще в XII столетии. *Дреговичи*, жившие между Припятью и Двиною, были в близком соседстве с южными литовцами и, по всему вероятно, как иноплеменники, были с ними в постоянной вражде. Таким образом все славянские племена, большие и малые, сильные и слабые, жившие в нынешней Южной и Западной России, в начале IX века не имели никаких союзов одного племени с другим и жили друг от друга отдельно и независимо, и даже иные более сильные племена обижали слабейших.

Но совсем не таково было положение славян, живших на севере и северо-востоке России, при верховьях Днепра, по Западной Двине и Волхову. Весь этот обширный край принадлежал собственно одному племени, славянам волховским или новгородским, и их колонистам – кривичам и полочанам; следовательно, между сими племенами, хотя самостоятельными и отдельными, не могло не оставаться некоторых связей друг с другом. Здесь Новгород, как старейший, как метрополия кривичей и полочан, естественно, имел на них значительное влияние; и у сих трех племен много было общего, родственного друг с другом, чего, конечно, не было у юго-западных племен.

Самое южное из трех северных племен, кривичи, как уже сказано, жившие при верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, было одно из многочисленнейших и сильнейших; его земли на юг по Днепру простирались до границ полян и северян, а на северо-запад примыкали почти к Чудскому озеру, где был кривский пригород Изборск, а прямо на запад по Неману кривские колонии шли до устья сей реки; на севере и востоке они сходились с землями новгородскими и собственно на востоке далеко врезывались в поселения финского племени мерь, почти до нынешней Москвы. Преимущественное внимание племени кривичей было обращено на литовские племена, где по Неману кривичам была открыта дорога в глубь литовских пущь и лесов. Здесь они заводили свои колонии и по Березине, и по Неману, и по их притокам, пробираясь постепенно в глубь страны, где среди литовских урочищ мы встречаем многие урочища с названиями славянскими, показывающие на ранние поселения славян в этом литовском краю; а что славяне сии преимущественно были кривичи, то на это, с одной стороны, намекает близкое соседство кривичей с сим краем, а с другой стороны, и то, что литовцы в простонародье и до сего времени русских называют кривичами, а Русскую землю Кривскою землею, что ясно показывает, что кривичи первые познакомились с литовцами, проникли в их землю и стали заводить там свои колонии. Кривичи имели главным своим городом Смоленск, из которого уже выводили свои колонии в разные края по соседству. У кривичей не было князей, они управлялись вече; в каждом городе было свое вече, но все городские вече подчинялись главному вече смоленскому, и что постановило смоленское вече, по тому и поступали вече всех других городов кривских. Кривичи были народом торговым, их лодьи с товарами по Днепру вниз ходили до Черного моря и Черным морем даже до Константинополя, а Неманом и Западною Двиною они доходили до Балтийского моря и там торговали с немцами и разными славянскими племенами, жившими в Померании.

Полочане, жившие на северо-запад от кривичей по Западной Двине и несколько южнее Двины, были хозяевами в финских и латышских землях тамошнего края. В нынешних Лифляндии и Курляндии их колонии простирались до устья Западной Двины, а в глубь Литвы до Пултуска, который в старых наших летописях называется Полтовеском, т. е. Полотеском, Полотском. Здесь в глубине Литвы по дороге до Пултуска они оставили свои следы в названиях рек Десны, Бобра и Нарева и в других урочищах, которым двойников находим в старых Новгородских владениях или в новгородских колониях за Днепром в земле северян; в Литовской земле полочане шли вместе с своими древними колонистами – кривичами, которые также оставили здесь свои следы в урочищах Смоленске, Смолиничаях, Смоляны, Крево и Кривичи. Вообще

Литовская земля представляет множество названий разных урочищ, совершенно одинаковых с названиями урочищ в Полотских и Смоленских владениях; там даже есть несколько Новгородов и Новгородков, в память Великого Новгорода, этой общей родины полочан и кривичей. Об управлении у полочан летописи говорят: «Мужи полочане управлялись вечем, так же как и Великий Новгород, и в каждом полотском городе было свое вече, зависевшее от главного веча полотского, и каждый полотский пригород составлял общину точно так же, как это было в Новгороде и в Смоленске».

Новгород был старейшею славянскою колонию на севере России, в самой глубине финских земель, среди води, корелян, чуди и других. Есть предание, что еще в I веке по Р. Х. апостол Андрей Первозванный был у новгородских славян во время своего путешествия по Днепру и далее к Балтийскому морю. В VIII и IX столетиях новгородцы были сильнейшим племенем из всех славянских племен на Руси. На запад от озера Ильмень, главного места поселения новгородцев, им были подчинены водь, чудь, корела и ямь до самого Балтийского моря; на северо-востоке более или менее зависели от них пермь, печора, самоядь, югра и другие тамошние племена по берегам Белого моря и Северного океана до Уральских гор; на восток от Ильмень озера новгородцы уже имели значительные колонии на Белоозере в землях финского племени весь, Ростов, Суздаль и Галич Мерский в землях финского племени меря, Муром в землях племени мурома; далее их влияние простиралось на черемису и мордву, вплоть до владений камских болгар. С камскими болгарами и хазарами новгородцы вели деятельную торговлю; они оттуда получали разные азиатские товары, дорогие ткани, золото, серебро, бисер и оружие, а сами доставляли болгарам и хазарам дорогие собольи и лисьи меха, моржовый зуб и другие произведения глубокого севера, высоко ценившиеся у азиатских народов, которые они сами получали от финских племен, зависевших от новгородцев и торговавших с ними. Товары, получаемые от болгар и хазар, а равным образом из Греции, новгородцы сбывали своим западным соседям – скандинавам, или норманнам, с которыми были в самых тесных сношениях через Балтийское море, которое служило большою дорогою и для скандинавских, и для новгородских лодий или кораблей.

Общественное устройство новгородцев было чисто общинное; в самом Новгороде каждая улица, каждый конец составляли самостоятельную общину, со своим управлением, со своими общинными уличанскими или кончанскими старостами, а целый город был союзом частных общин, управляемым народным вечем и выборными начальниками. Новгородские пригороды, или колоши, также состояли в общинном быте, управлялись выборными начальниками и местным вечем; но пригородские начальники и вече зависели от главного новгородского веча; новгородское вече было законом для всех пригородов, как прямо сказано в летописи: «На чем старшие сдумают на том и пригороды станут». Впрочем, нет сомнения, что в новгородском вечем участвовали и представители пригородов, собственно, в важных и чрезвычайных случаях, где требовалось знать голос всей земли Новгородской, т. е. всех новгородских пригородов.

Обширные новгородские владения, занимавшие собою весь север и восток нынешней Европейской России от Белого моря и Северного океана до впадения Оки в Волгу и от Балтийского моря до Уральских гор и до владений камских болгар, были главным образом приобретены торговлею и колонизациею, а не большими военными походами, до которых новгородцы, как народ торговый, были не охотники. Новгородцы, поселившиеся и выстроившие свой Новгород при истоке Волхова из Ильмень-озера между полудикими финскими племенами, начинали дело распространения своих владений сперва торговлею с ближайшими соседями, а потом, познакомившись с ними поближе, сажали на их земле небольшую колонию, где-нибудь в удобном месте при реке и, разумеется, в укрепленном городке; эта колония садилась сначала только для больших удобств торговли, для ближайшей складки товаров, а потом мало-помалу подчиняла туземцев себе и облагала данью во имя Господина Великого Новгорода. Впоследствии, когда ближайшие туземцы более или менее попривыкали к новгородским

колонистам и принимали их обычаи, далее в глубь туземных лесов и болот выдвигалась новая колония также с укрепленным городком и продолжала делать то же. Далее по времени выдвигалась еще новая колония, и таким образом незаметно росли колонии и с ними вместе распространялись владения новгородцев. Разумеется, власть Новгорода не во всех владениях была одинакова; земли, ближайшие к Новгороду, и, следовательно, колонии или пригороды старейшие находились в более тесной связи с Новгородом, тамошние туземцы от ближайших и более продолжительных сношений незаметно принимали все новгородские обычаи и сливались с новгородскими поселенцами в своем краю. А по мере отдаления земель от Новгорода слабела и связь тамошних жителей с новгородцами; так что в самых отдаленных краях, в землях печоры, югры и других, вся связь с Новгородом ограничивалась временным сбором дани и торговлею, для чего ежегодно, или через год, или через два, смотря по мере отдаления, высылались туда новгородские даньщики с небольшими воинскими отрядами и караванами купцов, которые везли туда товары, требуемые туземцами, и брали у них тамошние товары, и в то же время собирали дань, или ясак, для Новгорода, а в случае сопротивления прибегали к силе и собирали дань из неволи.

Важным пособием для новгородцев в распространении владений и торговли служил обычай повольничества. В Новгороде точно так же, как и в соседней Скандинавии, молодые люди не сидели дома, но обыкновенно в продолжение годов кипучей молодости странствовали по соседним землям затем, чтобы себя показать и людей посмотреть, а при случае и понажить, если рука подойдет. Такие странствователи в Скандинавии назывались королями моря, потому что странствовали и разбойничали преимущественно по морям; в Новгороде же их называли *повольниками*, потому что они предпринимали свои походы не по чьему-либо приказанию, а по своей воле. Повольники сии обыкновенно собирались небольшими ватагами, по зову самых удалых и бывалых молодцов и, построив лодьи, отправлялись вниз по рекам в глубину неведомых и непроходимых лесов и болот; в сих походах они переносили страшные трудности, возможные только для людей молодых и цветущих здоровьем или уже выдержанных, закаленных в труде удалцов; их ничто не удерживало на пути, они перетаскивали свои лодьи из одной реки в другую; встречаясь с горами, где лодий тащить нельзя, оставляли их в скрытых местах и переходили горы и пропасти сухопутьем, неся на своих плечах самые необходимые припасы; а перешедши горы и встретившись вновь с какою-либо рекою, строили новые лодьи и продолжали путь водой. Нашедши где-либо неведомое поселение лесных жителей, повольники начинали дело торговлею, предлагали свои товары на обмен их товаров; потом, ежели замечали, что новые знакомцы им по силам, начинали грабить или облагали данью во имя Великого Новгорода, а ежели новые знакомцы были им не по силам, то ограничивались торговлею и выведыванием, чем они богаты и в чем нуждаются. Таковые походы иногда продолжались по несколько лет; бывали случаи, что иные повольники возвращались домой еле живы, ободранные, заморенные и побитые, а иные и вовсе погибали на чужой стороне; но зато другие возвращались домой о большими богатствами, приобретенными добычею и торговлею, и сообщали новгородцам важные сведения о новооткрытых землях и народах и о том, в чем нуждаются их новые знакомцы, каковы они и как то можно получить от них пользу. И по сим сведениям и под руководством самих же повольников новгородцы начинали торговлю с новооткрытыми людьми, и, смотря по удобству, подчиняли их своему влиянию, и, ежели можно, заводили там свои колонии, строили городки и населяли их теми же повольниками или другими охотниками из старых городов. И таким образом торговля и колонии новгородцев раздвигались при помощи повольников, а вместе с колониями росло богатство и могущество Новгорода Великого. А приволье, свобода, которыми одинаково пользовались в Новгороде все, свои и пришельцы, манили туда охотников из всех соседних стран; особенно много молодцов приходило к новгородцам из соседней Скандинавии и Померании, которых у нас тогда называли варягами и волотами, так что таковыми выходцами заселялись целые улицы, погосты и даже города. В половине IX

века влияние Новгорода по всему соседству так было велико, что новгородцы успели снова присоединить к себе в союз племена кривичей и полчан, своих старинных колонистов.

В 859 году по Р. Х. с новгородцами случилось несчастье; на них, по свидетельству летописи, напало какое-то племя варягов и взяло дань не только с славян ильменских, но и с чуди, мери, веси и кривичей; по всему вероятно, это нападение и дань были не более как набег и грабеж какой-либо многочисленной толпы скандинавских удальцов, которые, воспользовавшись случаем, когда удальцы новгородские были в разброде, проникли на своих кораблях Невую в Ладожское озеро и потом Волховом до Новгорода и разбрелись грабить далее и у соседних кривичей, и у чуди, и у мери и веси, но нигде не могли утвердиться надолго; а посему когда снова пришли за данью, то были прогнаны новгородцами. Между тем в самом Новгороде началась большая разлада, разные племена, подчиненные новгородцам и на общинных началах принятые в состав Новгородской земли как союзники, пользуясь временным несчастьем самого Новгорода, начали междоусобствовать и производить раздоры, так что, по выражению летописи, *восстал род на род, и воевати почата сами на себя*, и все начинало грозить разорением и распадением Новгородского союза. Чтобы прекратить такие междоусобия, новгородцы, как старейшие, как начальные в союзе, в 862 году созвали в Новгород большое вече, на которое были приглашены и чудь, и кривичи как более сильные и важные члены Новгородского союза. На этом вече было решено – сыскать князя, который бы принял управление всею Новгородскою землею и судил и рядил по исконным новгородским обычаям и по взаимному договору и согласию. На том же вече, на котором решено было искать князя, который бы владел Новгородским союзом и судил по праву, было порешено отправить посольство за море к варягам-руси и просить тамошних князей, чтобы они шли править Новгородскою землею. Выбор новгородского веча пал на варягов-русь; потому что это племя, жившее по обеим берегам Ботнического залива, было ближайшим к Новгороду и находилось в самых тесных связях с новгородцами, так что часть этого племени еще прежде переселилась в Новгородскую землю и построила себе там город Старую Русь. Посольство новгородцев, чуди и кривичей, отправившееся к варягам-руси, сказало тамошним князьям братьям Рюрику, Синеусу и Трувору: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; идите княжить и володеть нами». Князья Рюрик, Синеус и Трувор приняли это приглашение и со своими родственниками и со всем племенем руси отправились в Новгородскую землю.

Рассказ второй. Первые князья из племени варягов-руси

Прибывшим по приглашению варяго-русским князьям новгородцы по договору дали в непосредственное управление и для житья: Рюрику – Ладогу при впадении Волхова в Ладожское озеро, Синеусу – Белоозеро в земле, где новгородская колония была поселена в племени весь, и Трувору – Изборск подле Чудского озера, принадлежащий кривичам; во всех же прочих городах обширного новгородского владения управление осталось за новгородским вечем и новгородскими мужами, только от имени князей и с платежом князьям определенных сборов. Но через два года по прибытии Рюриковы братья Синеус и Трувор умерли; и Рюрик, усилившись их дружинами и городами, передвинулся из Ладоги к самому Новгороду и на противоположном берегу Волхова выстроил себе крепость, которую также назвал Новгородом, и начал раздавать своим мужам города – кому Полотск, кому Ростов, кому Белоозеро, приказавши им строить там себе крепости и управлять землею от его имени. Таковое самовольное распоряжение Рюрика так обеспокоило многих новгородцев, особенно удалую вольницу, что они, под начальством своего выборного воеводы Вадима Храброго, восстали на Рюрика; но это восстание не имело успеха, лучшие, богатейшие и старейшие новгородцы не приняли в нем участия; и Рюрик в кровопролитной битве убил Вадима, а его товарищей принудил бежать из Новгорода. Потом, года через два, новгородцы, опять не все, а только часть, снова восстали на Рюрика и кричали на вече: беда нам от этого князя, быть нам рабами у него и его потомков! Но и это восстание не имело успеха и недовольные убежали в Киев. Даже дружинники, приведенные из Варяжской земли, не все были довольны Рюриком или житьем их в Новгороде, и часть их, самые удалые и беспокойные, под предводительством братьев Аскольда и Дира, оставили службу у Рюрика и отправились вниз Днепром искать службы в Константинополь, в Грецию, где охотно принимали варягов и давали им хорошее жалованье. Но, идя вниз по Днепру, Аскольд и Дир со своею дружиною подошли к Киеву, и, узнавши, что тамошние жители платят дань хазарам, обещались защищать их от хазар и остались княжить в Киеве, и оттуда даже ходили войною на Константинополь, и потерпели там большое поражение от восставшей морской бури, которая разогнала и частью потопила их лодьи. Рюрик, прокняжив в Новгороде семнадцать лет, скончался в 879 году и за малолетством своего сына Игоря передал управление своему родственнику Олегу.

Олег прожил мирно с новгородцами только два года; но ему тесно было жить в Новгороде, тамошнее вече не давало ему большей воли; и он на третий год, собрав свою дружину и вольницу из чуди, славян и кривичей, и взявши с собою малолетнего Игоря, оставил Новгород и, плывя по Днепру, занял сперва Смоленск по согласию с тамошними жителями – кривичами и посадил в Смоленске своих мужей, потом взял Любеч, также по согласию с тамошними жителями, и от Любеча двинулся по Днепру к Киеву. Зная, что там сидят Аскольд и Дир, удалые варяги, с которыми драться не совсем прибыльно, Олег против них употребил хитрость: он скрыл воинов в лодьях, а других оставил назади, сам же подошел к Киеву и, остановясь под Угорским, послал сказать Аскольду и Диру, что прибыл гость от Олега и княжича Игоря, идущий в греки, придите повидаться с ним, вашим одноземцем и родственником, Аскольд и Дир пришли в лодью и были убиты воинами Олега; после чего Киев признал Олега своим князем.

Занявши Киев, Олег так полюбил этот город, что остался там жить и назвал его матерью городов русских; с ним вместе остались там варяжская дружина и вольница, приведенная из Новгорода; и с сего времени (с 882 года) Приднепровье, или Киевская сторона, стало называться Русскою землею, а владения Новгорода – Новгородскою землею. Сделавшись самостоятельным, независимым от новгородского веча князем, Олег, впрочем, не отказался и от рюри-

ковских прав на Новгородскую землю: тамошние города и области, уступленные Рюрику, по-прежнему остались под управлением Олеговых мужей, и он из Киева назначил, чтобы ему, как прежде Рюрику, платили дань кривичи, славяне ильменские и меря, и сверх того условился с новгородцами, чтобы они ежегодно присылали по 300 гривен его варягам для мира, вероятно за свободную торговлю по Днепру через Киев. Уладившись с новгородцами и их союзниками, Олег принялся воевать с своими ближайшими соседями, и прежде всего напал на древлян, которые обижали полян, и, одолевши их, наложил на них дань по черной куне; потом переправился на левый берег Днепра и обложил данью радимичей и северян, плативших до него дань хазарам; он сказал им: не платите дани хазарам, я буду защищать вас. Подчинивши северян и радимичей, Олег опять перешел на правый берег Днепра и начал воевать с уличами и тиверцами, с двумя самыми сильными племенами на юге России; война эта тянулась долго, и чем кончилась, неизвестно; только, кажется, Олег здесь в первый раз увидел Черное море и задумал начать войну с греками; впрочем, до этой войны прошло еще с лишком двадцать лет. В это время Игорь успел вырасти и жениться, а воинственный Олег продолжал воевать с разными соседними славянскими племенами на западе и доходил в своих походах до хорватов; конечно, войны сии были не более как набеги для грабежа и добычи, чтобы обогатить князя и дружину. О покорении новых племен в это время мы не имеем известий.

Наконец в 907 году Олег, собравши большое войско из разных соседних племен, из приведенных из Новгорода варягов, из новгородской вольницы, из чуди, кривичей и мери, на двух тысячах лодий вступил в Черное море и спустился к Царьграду, или Константинополю. Греки, чтобы не допустить Олега к городу, заперли пролив; но это не удержало удалого князя: он велел выгнать свои лоды на берег, поставить на колеса и, распустив паруса, при помощи попутного ветра двинулся сухопутьем к городу и начал все жечь и грабить по дороге. Греки, не имевшие в это время достаточно войска в городе, так перепугались, что сочли за лучшее откупиться, и согласились заплатить Олегу дань по 12 гривен на каждую лодью, и сверх того дать уклады на русские города: на Киев, Чернигов, Переславль и другие, которые непосредственно были подчинены Олегу и где сидели князья, им поставленные. Получивши такую богатую добычу и выговоривши разные льготы русским купцам, приезжающим торговать в Грецию, Олег с большою славою и богатством возвратился в Киев; киевляне и другие соседние племена, удивленные большими богатствами, принесенными Олегом из Греции, и слышавши рассказы о его подвигах под Константинополем, прозвали его Вещим, т. е. чародеем.

Через четыре года по возвращении из греческого похода Олег отправил посольство в Грецию для заключения нового мирного договора с тамошними императорами Львом и Александром. Что заставило Олега вступить в новый договор с греками и отправить к ним свое посольство, летописи не упоминают, но из самых слов этого договора, сохраненного летописцем, уже видно, что главная забота Олега здесь состояла в том, чтобы упрочить торговлю руси с греками, чтобы сколько можно отстранить поводы к ссорам и несогласию. В договоре нет ни слова ни о дани, ни об укладах, ни о других требованиях насилия; статьи договора говорят только об определении мирных, безобидных отношений между греками и приезжающими к ним русами, о взаимном вспомоществовании мореходцев греческих и русских и о свободной продаже и покупке товаров. Олеговы послы были приняты радушно и дружелюбно, император константинопольский приставил к ним особого мужа, чтобы показать им красоту и богатство церквей и дворцов константинопольских, и на отпуске почтил богатыми дарами: золотом, драгоценными тканями и дорогими одеждами.

Заклучивши мир с греками, Олег скончался осенью 912 года. О кончине его летописец рассказывает следующее предание: «И жил Олег в мире со всеми странами, княжа в Киеве. И настала осень и вспомнил Олег про своего коня, которого поставил кормить и на котором давно уже не ездил. Потому что прежде когда-то он спросил волхвов и кудесников: от чего мне умереть? И один кудесник сказал ему: “Князь, тебе умереть от коня, на котором ты ездил»

и которого любишь”. Олег подумал об этом и сказал: “Никогда же не сяду на этого коня и не увижу его более”, – и приказал кормить его и не подводить к себе. И так прошло много лет, конь оставался без дела; потом Олег вспомнил о нем и, призвав старейшину конюхов, спросил: “Где конь, которого я поставил на корм и приказал беречь?” Старейшина отвечал: “Конь умер”. Олег засмеялся и в укоризну кудеснику сказал: “Что они говорят, эти волхвы, все пустяки и лож, конь умер, а я жив”. И приказал оседлать себе другого коня и, приехав на место, где лежали голые конские кости и череп, с насмешкой наступивши ногою на череп, с насмешкою сказал: “От сего ли лба умереть мне”. А в это время выползла из конского черепа змея и укусила Олега в ногу. От этого Олег разболелся и умер. Далее летописец продолжает: “И плакали все люди великим плачем по Олеге, и донесли его и похоронили на горе”, что называется Щековица; и до сего дни цела его могила, и слывет Ольгова могила».

По смерти Олега русским князем в Киеве, во всем Приднепровье и в Новгороде сделался Рюрик сын Игорь. Этому князю тогда было около тридцати пяти лет от роду. Игорь, сидевший дома и не известный никакими воинскими подвигами во все княжение Олега, кажется, так же мирно думал начать свое княжение, как мирно, кончил свое Олег. Но что было возможно для старого Олега, поседевшего в битвах, то оказалось не совсем удобным для молодого Игоря, только что начавшего княжить. Не стало старого грозного князя, и все пошло иначе; на первом же году Игорева княжения заратились древляне и уличи, примученные Олегом, и в то же время буйные дружинники, наскучившие миром в последние годы Олегова княжения, пустились сами мимо князя искать войны и добычи. Они в 913 году на пятистах лодях явились в устье Дона и, подплыв к хазарской заставе, выпросили у хазарского кагана пропуск на Волгу и в Хазарское, или Каспийское, море, обещая за то половину добычи, какую возьмут в Прикаспийском крае; и, перетащивши волоком свои лоды с Дона на Волгу, пустились Волгою в Каспийское море и начали грабить прибрежных жителей. В этом походе русы-повольники (т. е. дружинники, оставившие Игоря) проникли до Азербайджана; они всюду являлись нечаянно, били мужчин, уводили в плен женщин, грабили богатства, и, опустошивши одно место, удалялись на острова; и потом снова нечаянно являлись в другом месте, также делали нападение, разбивали противников, грабили, опустошали и опять удалялись. Тамошние жители, собравшись с силами, хотели окружить их на островах, но были разбиты наголову. Русы, прожив несколько месяцев на море и награбив множество добычи и пленниц, отправились обратно к устью Волги и отсюда послали хазарскому кагану условленную часть добычи. Но мусульмане, жившие в Хазарской земле и состоявшие на службе у кагана, в числе пятнадцати тысяч, напали на русов и вступили в битву, желая поживиться чужим грабежом; три дня жестоко дралась русская вольница, много побила мусульман; но наконец и сама была подавлена многочисленностью неприятелей; из русов одни пали в битве, другие потонули в реке, а часть принуждена была бежать и истреблена по дороге буртасами и камскими болгарами.

Но в то время, как Олеговы дружинники, оставившие Игоря, в качестве повольников промышляли на берегах Каспийского моря, сам Игорь и дружина, оставшаяся при нем, не были без дела: Игорь отправился на заратившихся древлян, а воеводу своего Свенельда послал на уличей, предоставив ему собирать дань с этого племени на себя и на свою дружину. С древлянами Игорь управился скоро и, примучив их, наложил дань больше Олеговой и возвратился в Киев; но многочисленные уличи, имевшие много городов по Днестру почти до моря, долго не поддавались Свенельду, и он, чтобы примучить их и добиться дани, три года осаждал их главный город Пересечен и едва успел взять его.

Между тем на другой год после Игорева похода в Древлянскую землю появился на границах Приднепровской Руси новый незнакомый народ – печенеги, выдвинувшиеся из азиатских степей; но они на первый раз мирно встретились с русскими и, заключивши с Игорем мир, удалились к западу. Впрочем, это прошла только передовая печенежская орда, а за нею шли еще семь орд, одна другой сильнее и неукротимее. Первая, заключив мир с Игорем, про-

двинулась до Дуная и вступила в союз с греками против дунайских болгар; за нею прошли еще три орды; они также перебрались на запад за Днепр и заняли пространство от Черного моря до Венгерской земли и до южных пределов Руси; за тем еще четыре орды, не переходя Днепр, заняли все степи от Волги почти до Днепра и до моря, там что поставили свои кочевья прямо за Семью, Сулою и Супоем, по тогдашним границам Приднепровской Руси. При таком близком соседстве сильных и беспокойных кочевников-грабителей, несмотря на мир, заключенный первою ордою, дело не обходилось без грабежей от соседних печенегов; и в 920 году Игорь был вынужден воевать с ними. Чем кончилась эта война, летописи не говорят; но нет сомнения, что дружина Игорева, преимущественно состоявшая из воинов Олеговых, опытных бойцов, дала себя знать диким кочевникам-печенегам и хотя на короткое время укротила их набеги и грабежи.

Управившись с печенегами, Игорь на другой же год стал собираться в какой-то дальний поход, собрал множество ратников и наготовил кораблей; но поход не состоялся, Игорь остался дома. Летопись нам не говорит, что заставило Игоря отложить поход; но, по всему вероятно, его остановили новые толпы печенегов, в это время постоянно надвигавшие с востока на запад к пределам Русской земли, и так продолжалось не год, не два, а целые двадцать лет. В продолжение всего этого времени Игорь должен был сидеть дома и сторожить Русскую землю от этих незваных гостей, одним появлением своим наводивших ужас на всех соседей, и ждать, пока гости сии немного поусядутся по местам и поугомонятся. Наконец долго тяготевшее над Приднепровскою Русью томительное ожидание, когда перестанут подходить новые толпы печенегов, кончилось; все орды печенежские заняли свои места, новых полчищ более не являлось. И Игорь на старости лет (ему тогда было около 64 лет от роду) в 941 году отправился в поход на Константинополь. Но этот поход не удался, старик Игорь воротился домой, потерпев поражение; греки сперва разбили его на море, потом на суше и, наконец, опять на море. Игоревы воины, воротившиеся домой, рассказывали: греки со своих лодий жгли нас, пуская какой-то огонь, аки молнию, что на небесах, и потому мы не могли одолеть их.

Воротившись домой с неудачного греческого похода, Игорь снова стал готовиться на греков; но войска у него сильно поубавилось в минувшем походе, и он послал кличь к охотникам, к повольникам, кого разбирает охота промыслить славы и добычи в далекой Греческой земле, славной своими богатствами. Сборы продолжались целых два года; дружина скоплялась не вдруг, охотники шли по мере распространения вести о походе, одни подзывали других, строили лодьи, снаряжались и пешие и конные, и все готовили необходимые запасы на дорогу. Не довольствуясь своими охотниками, Игорь нанял соседних печенегов и послал за море к варягам, приглашая тамошних удальцов принять участие в греческом походе. Созвавши таким образом многочисленную рать, Игорь в 944 году отправился во второй поход на греков; спустившись вниз по Днепру, по этой большой греческой дороге из Русской земли, его сборная рать шла и в лодьях, и на конях. Корсунцы, греческие колонисты на северных берегах Черного моря, узнавши об этом, послали сказать греческому царю Роману: «Идут русь, кораблям их нет числа, покрыли море кораблями». А также и дунайские болгары подали весть, что идут русь и наняли печенегов. Царь, получивши такие вести и рассчитавши, что дешевле обойдется купить мир у Игоря за деньги, чем воевать с неугомонным стариком, послал к Игорю лучших своих бояр с такими речами: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, придам и еще к той дани». А также отправил к печенегам множество дорогих тканей и золота. Игорь дошел до Дуная, созвал свою сборную дружину на думу и передал ей речи царевых посланников. И дружина отвечала Игорю: «Коли царь говорит так, чего же нам, еще не бившись, взять золото и серебро и дорогие ткани; почем знать, кто одолеет, мы ли, они ли, или кто с морем советен: мы теперь идем не по земли, а по глубине морской, здесь общая смерть всем». Игорь послушал дружины и повелел печенегам воевать Болгарскую землю; а сам, взявши от греков золото и дорогие ткани на себя и на всех воев, повернул назад и пришел домой в Киев хвалиться богатою добычею.

Но не вся вольница, участвовавшая в настоящем греческом походе, воротилась в Киев, а напротив, самые удалые и неугомонные из них, не желая, чтобы их приготовления к походу пропали даром, и рассчитавши, что от Дуная им легче пробраться в какой-либо богатый край, нежели снова снаряжаться и начинать поход из Киева или Новгорода и Скандинавии, решились, не возвращаясь домой, прямо от Дуная или от устьев Днепра идти знакомым уже путем по Дону и Волге в Каспийское море. Спустившись в Каспийское море, Игоревы повольники поднялись вверх по Куре и проникли до главного тамошнего города Берды, разбили высланные против них войска и заняли этот город. Мусульмане, тамошние жители, собрались было против них; но опять были разбиты и обратились в бегство; потом правитель тамошнего края собрал против русов 30 000 войска, но также был разбит; и русы довольно долго владели Бердой и оттуда один раз сделали набег почти до Тебриза. Но излишнее употребление плодов произвело между русами заразительную болезнь, от которой много их погибло. Тамошний правитель, пользуясь таким обстоятельством, снова напал на русов и после жестокой битвы принудил их запереться в Бердайской крепости, здесь болезни еще более их ослабили; и они, собрав лучшее имущество, удалились, и их никто не смел преследовать. Дальнейшая судьба этой русской вольницы нам неизвестна; мы не знаем, добрались ли они домой или погибли на обратном пути, как это нередко случалось с новгородскими повольниками или ушкуйниками.

Между тем мир, заключенный Игорем в устьях Дуная, вскоре оказался неудовлетворительным, и греческие императоры отправили своих послов в Киев заключить новый мирный договор; Игорь же, переговорив с греческими послами, сам также отправил своих послов в Константинополь, которые и написали там новый договор. Основная и главная мысль этого нового договора состояла в том, что грекам хотелось сократить приезд русской беспокойной вольницы в Константинополь. Для этой цели настоящим договором было постановлено, чтобы послы и купцы русские, приезжающие в Константинополь, предъявляли от русского князя грамоту, сколько с ними отправлено кораблей, дабы грекам по грамоте было известно, что корабли пришли с миром, а не для грабежа; приехавших же без княжьей грамоты греки имели право взять и держать под стражею до тех пор, пока перепишутся о них с русским князем. Мало этого, греки включили в договор и другое ограничение: они потребовали, чтобы русы не только не нападали на корсунские города, состоявшие под покровительством греков, и не мешали корсунцам ловить рыбу в Днепровском устье, но чтобы русы и не зимовали в устье Днепра, в Белобережье, и у острова Св. Эльферия. Сии заботы греков, высказанные в договоре, ясно показывают, что недаром же в это время Черное море называлось Русским морем; ясно, что русская вольница тогда рыскала по Черному морю из конца в конец и не давала покоя ни грекам, ни их колонистам – корсунцам.

Отпустивши греческих послов в 945 году, Игорь, когда наступила осень, стал думать о походе на древлян, замышляя взять с них большую дань. Ходить за сбором дани с побежденных племен в то время было обычным делом у русских князей, и они для этого каждую осень отправлялись с дружиною к тому или другому племени. Но, кажется, устаревший Игорь давно уже этим не занимался сам, а посылал своего воеводу Свенельда, имевшего свою дружину отдельно от Игоревой. А посему Игорева дружина, завидуя Свенельдовой дружине, стала говорить князю: «Отроцы Свенельди изоделися оружием и платьем, а мы наги, пойдй Княже с нами в дань, да и ты добудешь и мы». Игорь послушал дружины, отправился за данью в Древлянскую землю, начал там делать большие грабежи и насилия и, собрав столько дани, сколько никогда не собиралось с Древлянской земли, поворотил уже назад к Киеву; но на дороге раздумал и, сказав дружине: «Ступайте с данью домой, а я похожу еще», сам с немногими дружинниками снова пошел грабить. Древляне, услышавши об этом, составили со своим князем Малом думу и рассудили, что «ежели волк повадится к овцам, то потаскает все стадо, ежели его не убьют; так точно и сей, ежели его не убьем, всех нас погубит». И послали сказать Игорю: «Ты побрал

всю дань, зачем же идешь опять». Но Игорь их не послушал, и древляне, вышедши из своего города Коростеня, убили Игоря и малочисленную дружину его и похоронили под Коростенем.

В то время как древляне убили Игоря, сын его Святослав был еще малолетен и находился в Киеве при своей матери Ольге. Ольга, по русскому обычаю, заступила место покойного мужа и стала править Киевом и всею Русью; она воспитание сына поручила одному дружиннику Асмуду, как это обыкновенно делалось в тогдашнее время и на Руси, и в Скандинавии, а воеводой, т. е. предводителем княжьей дружины, назначила Свенельда, известного уже покорителя тиверцев и уличей.

Древляне, убивши Игоря, порешили на своем вече так: «Вот мы убили русского князя, возьмем жену его за своего князя Мала, а с Святославом сделаем, что захотим». Принявши такое решение, они отправили к Ольге 20 человек лучших мужей, которые, пришедши в Киев, сказали Ольге: «Послала нас Деревская земля с таким наказом: мы убили твоего мужа за то, что он был, как волк, хищник и грабитель, а наши князи добры, распасли Деревскую землю, пойдя за нашего князя Мала». Ольга на это отвечала: «Мне любя ваша речь, мне уже не воскресить своего мужа» – и велела им прийти на другой день; и когда те явились на другой день, то велела их бросить в приготовленную яму и зарыть в ней живых; а в Древлянскую землю послала сказать, чтобы прислали новых послов, самых лучших мужей, держащих землю; и когда те пришли, то пригласила их в баню и велела там сжечь. Потом собравши дружину, сама отправилась в Древлянскую землю, наперед пославши сказать древлянам, чтобы они наварили побольше медов для отправления тризны по Игорю. И когда это было сделано, то, прибывши с небольшою дружиною на могилу Игоря, Ольга приказала насыпать на могилу большой курган и потом стала угощать древлян, когда же те понапились, то сказала своим, чтобы изрубили пировавших, где их и перерезали 5000 человек, а сама воротилась в Киев.

На другой год по смерти Игоря Ольга, как говорит предание, набрала многих и храбрых воев и вместе с сыном своим Святославом пошла в Деревскую землю. Древляне, узнавши об этом, собрались всею землею и выступили против Ольги. Когда обе рати Ольгины и древлянская сошлись вместе, то малолетний Святослав, уже сидевший на коне, первый бросил в неприятелей копьё, которое, пролетев между ушей коня, пало под ноги. Вслед за тем Асмуд и Свенельд крикнули воинам: «Князь уже начал, дружина не выдавай». Дружина на зов вождей отвечала сильным натиском, и битва кончилась в пользу киевской княгини; разбитые древляне побежали и затворились по городам, которые скоро сдались; один только Коростень, осажденный самою Ольгою, оборонялся целое лето, но и этот город наконец пал. Ольга при сем употребила следующую хитрость. Она после продолжительной осады вступила в переговоры с коростенцами и потребовала вместо дани по три голубя и по три воробья от каждого двора, обещая затем удалиться в Киев. Коростенцы, обрадованные таким легким требованием, выслали с двора по три голубя и по три воробья; Ольга же раздала воробьев и голубей своим воинам и приказала, чтобы они, привязавши в птицам зажженный трут в тряпках, выпустили их в сумерки. Выпущенные воробьи и голуби полетели в свои гнезда и зажгли город; жители, не имея возможности тушить пожар, охвативший весь город зараз, бросились вон из города и были взяты воинами Ольги. Ольга старейшин города взяла себе, а прочих людей – иных приказала избить, других отдала в рабство своим дружинникам, а остальных обложила тяжкою данью и две части этой дани приказала собирать на Киев и одну на Вышгород; потом вместе с сыном и дружиною пошла по Древлянской земле, уставляя везде уставы и уроки, т. е. привела Древлянскую землю в совершенную покорность и зависимость от киевского князя, и уничтожила тамошнее независимое управление.

Устроивши Древлянскую землю по-своему, Ольга возвратилась в Киев и прожила там лето, а на другой год, т. е. в 947 году, отправилась в Новгородский край и учредила там по Мсте погосты и дани и по Луге оброки и дани. Это путешествие, так же как и древлянское, надолго осталось памятным в народе и указывает, что Ольга успела несколько изменить отношения

Киевского княжества к Новгороду и сумела вытребовать у новгородцев в свое владение земли, лежащие по Мсте и Луге.

После новгородского путешествия Ольга возвратилась к сыну своему Святославу в Киев и прожила там одиннадцать лет; потом в 958 году, с большою свитою в сопровождении купцов и посланников от русских князей подручников, отправилась в Константинополь. В Константинополе она была принята тамошним императором с большими церемониями, два раза обедала с императором и императрицею и, прожив там более трех месяцев и принявши святое крещение от тамошнего патриарха, возвратилась в Киев. Возвратясь домой, Ольга старалась обратить к христианству и сына своего Святослава; но тот не думал менять своей языческой веры и на все убеждения матери отвечал одно: «Как я приму другой закон, дружина будет смеяться». Он даже иногда гневался на мать, когда она не переставала его убеждать.

И действительно, Святославу мудрено было переменить веру: он совсем не тем был занят; воспитанный воинственным Асмудом, он только и думал о войне и храброй дружине, его тянуло на восток за Днепр, где много было противников, не знавших власти русского князя. Не зная ни обозов, ни котлов, легкий, как леопард, не возивший с собою шатров, спавший под открытым небом, сам жаривший на угольях себе пищу, Святослав был окружен такою же храброю и неприсутливою дружиною и, постоянно занятый войною, посылал к соседним народам, объявляя им, что хочет на них идти. Он два раза ходил на вятичей в их непроходимые леса, куда до него еще не проникал ни один русский князь, разбил в Придонских степях грозного кагана хазарского и взял его крепкий город Белую Вежу, даже доходил до Кавказских гор и победил живших там сильных ясов и касогов. Сии походы Святослава продолжались три года и обогатили его дружину большою добычею.

Потом константинопольский император Никифор Фока прислал к Святославу посланников просить помощи у русского князя против дунайских болгар, предлагая за это несколько пудов золота. Святослав, довольный таким приглашением и взявши золото, немедленно начал готовиться в поход, собрал дружину, приготовил лодьи и в 967 году, спустившись вниз по Днепру, обычным Русским путем добрался до Дуная. Болгары, узнавши об этом, вышли к нему навстречу с тем, чтобы не допустить его воинов к высадке на берег; но дружина Святослава, накрывшись щитами, пошла на пролом, смяла болгар и начала брать тамошние города один за другим. Болгарский царь Петр с горя умер; и Святослав, не встречая сопротивления, занял почти всю Болгарию и засел княжить в тамошнем главном городе Переяславце.

Но недолго пришлось Святославу оставаться в Переяславце Болгарском. Печенеги в его отсутствие осадили Киев, Ольга с своими внуками, детьми Святослава, заперлась в городе и была доведена до такой крайности, что киевляне, томимые голодом, думали уже сдать и решились на последнее средство известить как-нибудь воинских людей, стоявших на противоположном берегу Днепра, под начальством воеводы Претича. Для этого киевское вече кликнуло клич, не выищется ли кто охотник перебраться на другой берег и известить стоявших там людей, что ежели они к утру не приступят к городу, то Киев сдастся печенегам. На этот клич выискался один молодой человек и сказал вече: «Я переберусь»; и вече сказало ему: «Иди». Взявши в руки конскую узду, он вышел из города и пошел в стан печенежский, спрашивая по-печенежски: «Не видал ли кто моего коня». Печенеги, считая его своим, свободно пропустили к реке; и он, сбросивши с себя платье, переплыл на другой берег и объявил тамошним воинским людям: «Мне наказано сказать вам, что ежели вы наутро не приступите к городу, то киевляне хотят сдать печенегам». Воевода Претич, услышавши такую речь, сказал своим: «Завтра подступим в лодьях и, подкравшись, увезем из города княгиню и княжичей, а ежели этого не сделаем, то Святослав погубит нас». И на другой день на солнечном восходе русские лодьи с шумом и с трубным звуком отчалили от берега и поплыли к Киеву; киевляне, заметив это, откликнулись радостными криками; печенеги же, думая, что воротился Святослав, побежали от города; но, одумавшись, воротились назад, и печенежский князь сам явился спросить,

кто подошел к городу, не князь ли Святослав; на что Претич отвечал: «Пришел я, муж Святославов, с передовым полком, а Святослав идет за мной, и с ним большая рать». Печенежский князь предложил Претичу мир, и они в знак мира подали друг другу руку и обменялись оружием. После чего печенеги отступили от города.

Киевляне, освободившись от грозившей беды, немедленно послали гонцов к Святославу с таким наказом: «Княже! Ты ищешь и бережешь чужую землю, а свою бросил; и нас и твою мать и твоих детей едва не взяли печенеги; и ежели не придешь и не защитишь нас, то они опять придут и возьмут нас; неужели тебе не жаль ни своей отчины, ни своей престарелой матери, ни детей». Святослав, получивши такую весть, немедленно сел на коней с своею дружиною и прибыл в Киев, ударил на печенегов, разбил их и прогнал в степи. Но не жилось Святославу в Киеве; он начал говорить матери своей и боярам: «не любо мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, там среди моей земли, туда сходятся все богатства, – от греков золото, дорогие ткани и вина и различные плоды, от чехов и угров серебро и кони, из Руси меха, воск, медь и невольники». Ольга на это отвечала ему: «Видишь, я больна, и куда же хочешь идти от меня, сперва похорони меня, а там и ступай куда хочешь». Впрочем, мать недолго останавливала Святослава: она через три дня скончалась. Ее похоронили как христианку на месте, которое она сама указала; и сын и внуки и весь Киев провожали ее до могилы с великим плачем; но по ее наказу не смели на ее погребении творить языческой тризны, ее отпевал бывший при ней христианский священник.

Похоронивши мать, Святослав начал готовиться к походу на Дунай в Болгарию и перед походом назначал в свое отсутствие управителями и князьями своих сыновей: Ярополка в Киеве, Олега в земле Древлянской. В это же время пришли послы из Новгорода и просили, чтобы он дал князя и новгородцам, грозя в противном случае отыскать себе князя на стороне. Святослав, зная, что князьям тесно жить в вольном Новгороде, сказал им: «Да кто к вам пойдет». И действительно, Ярополк и Олег отказались от чести быть новгородскими князьями; тогда Добрыня Любчанин, дядя по матери младшему Святославу сыну Владимиру, рожденному от Ольгиной ключницы Малуши, сказал новгородцам: «Просите Володимира». Те и сказали Святославу: «Дай нам Володимира». Святослав в ответ на это сказал: «Берите его, этот князь по вас». И взяли новгородцы Владимира и повезли к себе; с ним поехал в Новгород и Добрыня.

Святослав, отпустивши Владимира, сам собрав войско, отправился в Болгарию, как к свою область; но когда он подошел к Переяславцу, то болгаре затворились в городе. И началась страшная сеча; болгаре стали уже одолевать русских своею многочисленностью, день уже клонился к вечеру, а битва не прекращалась. Святослав, желая воодушевить своих воинов, повел к ним такую речь: «Братья, дружина! Нам уже пасть здесь, будем же биться мужески». Дружина по зову князя действительно стала биться мужески, и болгары были разбиты наголову, и Переяславец взят приступом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.